

крепляет норму, согласно которой «свобода совести гарантируется для всех. Каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Недопустимо принудительное насаждение религиозных взглядов».

В России следует учесть несколько подходов. Вначале самый общий: отказавшись от «разделения» религии и государства, закрепить юридическое равенство перед законом любых вероисповеданий, в том числе атеистического. Например:

«Каждый обладает свободой религии и совести. Свобода религии и совести включает право признавать и исповедовать религию, знакомить со своими убеждениями, право принадлежать или не принадлежать к религиозной общине. Никто не может быть обязан участвовать в религиозных обрядах против своих убеждений». Так гласит, например, § 11 Основного закона Финляндии от 11 июня 1999 г.

Или: «Церкви и религиозные общины самостоятельно управляют своими делами, в частности, учреждают свои органы, определяют своих духовных лиц, основывают монастыри и другие церковные учреждения, независимые от государственных органов. Законом определяются условия обучения религии в государственных школах»¹⁴. А это норма ст. 16 Хартии основных прав и свобод 1991 года, являющейся составной частью современной Конституции Чешской Республики.

Надо подумать и сформулировать норму, отвечающую русскому видению смысла человеческого существования.

Освободившись от отравляющего влияния нигилистических заблуждений, восстановив свою целостность, российское общество сможет не только возродить легитимность власти, не только упрочить Российскую Федерацию, но и вернуть себе цивилизационную привлекательность, а значит, и вновь стать надежной скрепой Русского мира.

Преображение современной России, успехи российской реинтеграции (евразийского интеграционного процесса) прямо зависит от укрепления православных основ российского государства, а шире – и Евразийского Союза. Речь идет не о предпочтениях вероисповедания (что было бы и неплохо), а о выборе мировоззренческой доминанты совместной жизни, о выборе духовных ценностей, на которых будет строиться сам образ жизни нынешнего и последующих поколений жителей России.

Development of peoples and through strengthening religious foundations of the secular state

Sergey Nikolaevich Baburin, Dr. of jurisprudence, prof. Chief Researcher ISPR, President Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, President of the Association of Law Schools, honored worker of science of the Russian Federation, Moscow Witte University

This article analyzes the problems of the development of nations and peoples through the strengthening of the religious foundations of the secular state.

Keywords: state, nation, religion.

СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Олег Петрович Сауляк, д-р юрид. наук, профессор, председатель,
e-mail: Olegs69@mail.ru*

*Московская коллегия адвокатов «Юрпроф»,
<https://sbis.ru/contragents/7720491588/772001001>*

¹⁴ Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 3. – М.: НОРМА, 2001. С. 524.

В статье рассматриваются проблемные вопросы становления и перспективы развития сильного государства в современной России. Критическому анализу подвергнуты постулаты концепции минимального участия государства в проводимых в нашей стране социальных преобразованиях.

Ключевые слова: государство, правопорядок, гражданское общество, справедливость, свобода.

О.П. Сауляк

В 2016 г. отмечалось немало круглых дат. Одна из них сопряжена с 25-летием распада Советского Союза. Это историческое событие сегодня оценивается по-разному: кто-то считает, что произошла величайшая геополитическая трагедия, кто-то расценивает его как начало нового этапа в развитии российской государственности, своеобразным прологом которого стали масштабные либеральные реформы. Четверть века по историческим меркам период небольшой, но, учитывая быстроту и динамичность политико-правовых и социально-экономических процессов в условиях глобализации, эти годы могут стать своеобразной поворотной вехой в развитии современных государственно-организованных обществ.

На протяжении всего этого периода в отечественной науке не утихают споры по вопросу о роли государства и степени его участия в проводимых в стране социальных преобразованиях. Порой высказывались и продолжают высказываться диаметрально противоположные точки зрения, а научная полемика выходит за рамки привычного этикета.

Сторонники либеральной концепции, например, акцентируют внимание на том, что сильное государство – это угроза нормальному развитию социальных процессов. В обоснование своей точки зрения они приводят доводы о том, что государственная власть по своей природе трансгрессивна, практически всегда обнаруживает стремление к самовозрастанию и расширению своих властных полномочий.

Подобная природа государственной власти не может не отражаться и на процессах правового регулирования. Трансгрессия государства устремлена в направлении тотальной регламентации практически всех сторон жизни общества. На первый взгляд, упорядочение социальных структур путем увеличения степени единообразия составляющих их элементов, казалось бы, должно препятствовать возрастанию беспорядка в обществе. Однако эффективность правового воздействия на общественную жизнь имеет свои пределы. Попытка государства урегулировать посредством права как можно большую часть социальных процессов на деле оборачивается лишь иллюзией создания прочного и высокоэффективного правопорядка. Нарушения необходимой и оправданной меры упорядоченности ведут к росту негативных тенденций в общественной жизни:

Во-первых, тотальная правовая регламентация существенно снижает степень индивидуальной и групповой свободы. Жизнь в таком обществе подчиняется принципу – «разрешено то, что официально разрешено». Государство при этом стремится заблокировать любые проявления индивидуальной и групповой инициативы.

Вполне естественно, что такой правопорядок утрачивает свойство легитимности, ибо неизбежно воспринимается как несправедливый. Такая упорядоченность лишена кредита доверия со стороны общественных институтов, она не воспринимается как ценность ни общественным, ни групповым, ни индивидуальным сознанием. Рано или поздно, но в таком обществе возникают очаги социального возмущения, «раскачивающие» правопорядок. В целях его сохранения государство вынуждено прибегать к силовым методам разрешения противоречий. Управление обществом в этих условиях, по справедливому замечанию А. Дж. Тойнби, перестает быть искусством. Страх перед рецидивом непослушания со стороны общественного большинства толкает власть на применение грубой силы для поддержания собственного авторитета, поскольку дове-

рия она уже лишена¹. В результате «правовой сверхпорядок» нередко оборачивается дисномией, химерическим соединением упорядоченности и беззакония.

Во-вторых, общество, в котором существует чрезмерно жесткая государственно-правовая регламентация, вместо нарастания степени цивилизованности в регулировании социальных процессов, в конце концов, сталкивается с эффектом ретардации². Как известно, один из постулатов юридической науки гласит: эффективность правового воздействия обеспечивается лишь в том случае, если право по составу своих требований соответствует уровню развития общества. Но социальные отношения развиваются куда более динамично, чем регулирующие их правовые нормы. В условиях, когда государство не успевает своевременно адаптировать право к изменяющимся условиям социальной действительности, юридические нормы неизбежно становятся барьером на пути развития общественного организма. Постепенно этот дисбаланс только усиливается. В условиях «правового сверхпорядка» процесс торможения общественного развития неизбежно уступает место застою. Это и случилось в СССР в последние годы его существования.

В-третьих, в условиях агрессивной правовой политики государства правопорядок, по меткому замечанию М. Вебера, обрастает «стальным панцирем», превращаясь в закрытую систему, в которой вероятность развития энтропии резко возрастает. Для существования такой системы оказываются необходимыми строго определенные условия. Когда их не удастся обеспечить, в системе, утратившей необходимую гибкость и значительную часть своих адаптивных способностей, начинается процесс деформирования и разрушения. Подобный результат вполне закономерен. Исторический опыт ушедшего века свидетельствует, что необузданная экспансия власти, «неумеренное» поглощение государством всякой социальной самостоятельности и самодеятельности, в результате которых человек и общество вынуждаются жить для государственной машины, заканчиваются всегда плачевно. Исправность и состояние этой машины, как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, «зависят от живой силы окружения, но, высосав из общества... соки, государство выдыхается, чахнет и, в конечном итоге, умирает... смертью ржавого механизма»³. Аналогичной смертью умирает вместе с государством и «правовой сверхпорядок».

В подобных утверждениях, безусловно, есть рациональное зерно, сопряженное с необходимостью обеспечения эффективного общественного контроля за деятельностью государства, его институтов и их должностных лиц. Однако сторонники либерализма в своих идеологических «зарисовках» идут значительно дальше, ибо рассматривают государство как источник неизбежного зла, фактор «несвободы», препятствующий нормальному развитию личности и общества, утверждению подлинно справедливого и эффективного порядка общественной жизни.

Такой подход к пониманию роли государства в процессе развития современных социумов, несмотря на весь его гуманистический пафос и первоначальную привлекательность, по своей сути глубоко порочен. Он лишен интегративного начала, использование которого позволяет консолидировать усилия современного государственно-организованного общества в борьбе за эффективный социальный и правовой порядок. История человечества изобилует примерами, свидетельствующими о том, что любые попытки минимизировать роль государства и права в развитии и регламентации социальных процессов неизбежно толкали общество в пучину хаоса и произвола.

Опыт мировой истории свидетельствует, что переход от авторитаризма к демократии наиболее безболезненным для общества будет лишь в том случае, если он осуществляется «договорным» образом, предполагающим возможность адаптации государственных и социальных институтов, унаследованных от старого режима, к новым условиям. Такая преемственность по отношению к прежним порядкам придает процессу реформи-

¹ См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М., 2002. С. 242–243.

² См.: Бачинин В. А. Социология. – Харьков, 2003. С. 304.

³ См.: Ортега-и-Гассет Х. Философия культуры. – М., 2001. С. 344–345.

рования плавный характер, растягивая его во времени, освобождая общество от необходимости пережить череду резких и болезненных потрясений. Напротив, как справедливо утверждал выдающийся русский ученый И. О. Лосский, любая попытка реформаторов «одним судорожным прыжком сразу поднять общество на гораздо более высокую ступень общественного развития обыкновенно только разрушают достигнутое раньше скромное добро и вовсе не осуществляют новых высших форм совершенства»⁴.

Но эта нехитрая истина в начале 90-х годов ушедшего века в нашей стране была предана забвению, и в качестве основного метода излечения российского общества от недугов советского прошлого была выбрана «шоковая терапия». Нет ничего удивительного в том, что реальные результаты реформ оказались крайне далеки от первоначальных общественных ожиданий.

Повинно в этом и само общество. Давно уже известно, что народ, плохо подготовленный к свободе и самостоятельной деятельности, может реформировать общественную жизнь, только разрушив ее до основания. В период радикальных преобразований, революционных по своей сути, гибнет старый правопорядок, а вместе с ним общественные институты, идеи и привычки, чуждые свободе. Однако при этом, как точно подметил А. Токвиль, нередко уничтожается и то, без чего свобода едва ли может существовать⁵. Именно эта неподготовленность российского общества во многом определила «неуправляемый, часто разрушительный характер реформ, ориентированных по преимуществу на уничтожение созданных ранее социальных институтов и поощрение стихийных тенденций общественного развития»⁶.

Либеральные реформы изначально предполагали сознательный уход государства от участия в регулировании многих социальных процессов, прежде всего в экономической сфере, где задумывалось в кратчайшие сроки построить новую для России модель хозяйствования – рыночную экономику. Для успешной реализации этой цели страна располагала необходимым социально-экономическим потенциалом. Как отмечал председатель Союза предпринимателей и промышленников России А. И. Вольский, Российская Федерация унаследовала от СССР 75% территории, 51% населения, 60% основных фондов (в стоимостном выражении), 76% предприятий, производящих средства производства. На долю Российского государства приходилось 90% добычи нефти на всем постсоветском пространстве, 73% природного газа, 63% производства электроэнергии, 80% экспорта нефти и более 90% газа. Нашей стране, в которой проживает 3% населения планеты, принадлежит почти 35% мировых запасов природного сырья⁷.

Однако разумно распорядиться этим потенциалом реформаторы не смогли. Успехи и достижения российского общества в сфере экономики хорошо известны. Их принципиальная и объективная оценка содержалась в Послании Президента страны Федеральному Собранию Российской Федерации 2004 г. «За время длительного экономического кризиса, – отмечалось в указанном Послании, – Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала. За четыре последних года мы смогли компенсировать около 40% падения. Но, несмотря на это, нам пока не удалось "догнать самих себя" образца 1989 года. И только сохранение высоких темпов экономического развития – таких, на которые сейчас вышла Россия, – не позволяет отбросить нас на "задворки" мировой экономики»⁸. Вариант решения несложного неравенства «1989 > 2004» выглядел абсурдно не только с точки зрения экономической теории, но и простой арифметики.

⁴ См.: Лосский И. О. Условия абсолютного добра. – М., 1991. С. 225.

⁵ См.: Токвиль А. Старый порядок и революция. – СПб., 1909. С. 186.

⁶ См.: Голенкова З. Т., Витюк В. В., Гридчин Ю. В., Черных А. И., Романенко Л. М. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социс. 1995. № 6. С. 22.

⁷ См.: Вольский А. И. Доклад на съезде промышленников и предпринимателей России // Коммерсант. 1998. 29 ноября.

⁸ См.: Послание Президента России Федеральному Собранию РФ «О важнейших общенациональных задачах» // Российская газета. 2004. 27 мая.

Западные специалисты еще более резки в своих оценках. В России, по утверждению известного американского финансиста Дж. Сороса, в 90-е годы прошлого века был построен «бандитский капитализм»⁹. Его мнение совпадает и с оценками российских экспертов, которые утверждают, что к началу XXI века около 40% функционирующих на отечественном рынке предприятий находились под контролем криминальных сообществ¹⁰.

Добровольная сдача российским государством своих позиций в других сферах общественной жизни также не привела к укреплению социального и правового порядка. Напротив, разбалансированность управленческих процессов, сепаратистские настроения в отдельных регионах, представляющие серьезную угрозу для государственной целостности, стремительный рост преступности – таков закономерный итог «государственного отступления». Следует согласиться с утверждением известного правоведа Р. Иеринга, когда «произвол и беззаконие смеют нахально и бесстыдно поднимать голову, то это всегда служит верным признаком, что те, кто был призван защищать закон, не стояли на высоте своей обязанности»¹¹.

Российскому государству пришлось приложить колоссальные усилия для того, чтобы приостановить развитие этих негативных процессов в общественной жизни.

Вот почему, вопреки утверждениям сторонников либерализма, в современных условиях влияние государства на все сферы жизни современного социума резко возрастает, в том числе и на экономику. В этой связи известный российский правовед член-корреспондент РАН Г. В. Мальцев отмечал, что «вопреки усилиям т. н. рыночных фундаменталистов убедить общественность в том, что государство следует вытеснить из экономической жизни, во время реформ идет объективный процесс повышения не только политической, но и экономической роли организованного на современной основе государства. Из этого вытекают новые функции и возможности государства в области строительства экономических институтов, инновационной деятельности в экономике. В грядущем мире, который будет очень непростым, успех ждет страны, способные быстрее других освоить новые информационные, коммуникационные и иные мощности государства, использовать его организационный потенциал и пробивную силу в организации внутренних и внешнеполитических факторов экономического роста»¹².

Но апологеты концепции «минимального» государства не желают замечать этого факта, сознательно игнорируя исторический опыт. Они не понимают или не желают понять, что не только тоталитарное, но и слабое нетоталитарное государство представляет угрозу для устойчивого развития общественного организма. В этой связи по-прежнему актуальным представляется утверждение Р. Иеринга, что бессилие и немощ государственной власти есть «смертный грех государства, не подлежащий отпущению, грех, который общество не прощает, не переносит; государственная власть без власти – непримиримое в самом себе противоречие»¹³.

Без должного участия государства институты общества сами по себе принципиально не способны гарантировать реализацию горячо отстаиваемого сторонниками либерализма принципа индивидуальной свободы. Свобода, которая не обеспечена минимальными государственными гарантиями, становится бессодержательной, поскольку, как подчеркивал известный американский политолог И. Шапиро, остается неясным, каким образом она «может быть употреблена на различных жизненных поприщах, где находятся те ресурсы, коими люди должны обладать для того, чтобы этой свободой пользоваться»¹⁴. Несколько перефразируя известное высказывание А. Франса, но уже применительно к России, можно утверждать, что такая свобода находит свое реальное воплощение в

⁹ См.: Сорос Дж. Реформируя глобальный капитализм. – М., 2001. С. 315.

¹⁰ См.: Российское общество глазами статистики. – М., 2002. С. 69.

¹¹ См.: Иеринг Р. Борьба за право. – М., 1991. С. 35.

¹² См.: Мальцев Г. В. Социальные основания права. – М., 2007. С. 787.

¹³ См.: Иеринг Р. Цель в праве. – М., 2005. С. 232.

¹⁴ См.: Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Полис. 1992. № 4. С. 24.

том, что городские нищие пользуются правом спать в пространствах подземных переходов. Для «наполнения» идеи свободы конкретным звучанием часто необходимо «активное вмешательство государства, которое бы позаботилось о том, чтобы люди располагали ресурсами, необходимыми им для пользования своей свободой»¹⁵.

Сторонники концепции «минимального» государственного участия в развитии общественных процессов акцентируют свое внимание исключительно на «разрушительной» энергии государства, предпочитая умалчивать о том, что деятельность общественных институтов далеко не всегда является созидательной. К тому же институты общества могут взаимно «подрывать» друг друга. Вероятно, одна из причин этого явления коренится в противоречивой природе человека и его страстей. В общественной жизни индивиды и групповые субъекты «могут проявлять не только миролюбие, склонность к сотрудничеству, симпатию и солидарность, альтруизм и благородство, но и эгоизм, жадность, жестокость, стремление к превосходству над другими, чрезмерную требовательность и даже злонамеренность, – хищническое, в своем роде, поведение»¹⁶. Разные цели, различные системы ценностных ориентиров, не совпадающие, а порой и диаметрально противоположные интересы, которые преследуют участники социального взаимодействия, являются причиной серьезных конфликтов и эскалации напряженности в обществе, представляющих угрозу для правопорядка.

В условиях «сознательного» ослабления позиций государства в жизни общественного организма, сопровождающегося превращением права как нормативной системы социального регулирования в «факультет ненужных вещей»¹⁷, основная нагрузка по разрешению конфликтных ситуаций ложится на плечи общественных институтов. Но вырабатываемые ими социальные нормы не обладают необходимым регулятивным потенциалом для того, чтобы служить средством согласования разнонаправленных интересов, которые преследуют индивиды и социальные субъекты. Сами же институты общества далеко не всегда способны заставить индивидов воздержаться от эгоистического и агрессивного поведения, обеспечить точное соблюдение ими всех социальных норм, эффективное и надежное разрешение всех общественных противоречий. Закономерным итогом сочетания слабости государства и принципиальной неспособности институтов общества самостоятельно урегулировать развитие большинства социальных процессов является управленческий кризис.

Особенно очевидной кризисная ситуация в этой сфере становится в обществах, в которых абсолютизируется значение индивидуалистических постулатов. Жизнь для индивидов в таком обществе лишается иного смысла, кроме удовлетворения личных эгоистических потребностей и интересов. Философией их существования становятся утилитаризм, гедонизм и эвдемонизм, которые объявляют высшими человеческими ценностями прагматичный расчет, полезность, стремление жить только сегодняшним днем, счастье, наслаждение, удовольствие, комфортность. Между тем, опыт цивилизации свидетельствует, что человек, не сдерживаемый внутренне никакой нравственной нормой, никакой законностью превращается в кусок «мяса, с зубами и с желудком и с неутолимой жадностью наигрубейших, самых зверских телесных наслаждений, а за удовлетворение самого малейшего и прихотливейшего из этих наслаждений он способен... хладнокровнейшим образом убить, зарезать, словом, на всё, лишь бы спрятаны были концы в воду»¹⁸.

Изложенное выше образует далеко не полный перечень тех проблем, с которыми сталкиваются современные государственно-организованные общества в процессе выстраивания эффективных моделей сильного государства и должного правопорядка. Однако этого вполне достаточно для того, чтобы сделать следующий вывод: порядок общественной жизни, гарантирующий цивилизованные условия существования и разви-

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: *Сандевуар П.* Введение в право. – М., 1994. С. 12.

¹⁷ См.: *Право как ценность.* – М., 1999. С. 48.

¹⁸ См.: *Достоевский Ф. М.* Записки из мертвого дома. – М., 1982. С. 139.

тия индивидов, социальных групп, общества в целом, не может быть создан без должного участия государства, умело и эффективно использующего для регулирования социальных процессов арсенал правовых методов и средств. Борьба за свободу и социальную справедливость, социальный и правовой порядок, отвергая государство, значит заживо хоронить эти ценности¹⁹. Как справедливо подчеркивает известный российский правовед Н. М. Марченко, «рассматривая характер соотношения государства и общества, нельзя допускать двух крайностей – чрезмерного преуменьшения или, наоборот, абсолютизации силы и роли государства по отношению к обществу, с одной стороны, и общества по отношению к государству, с другой. Ибо и то, и другое в равной степени пагубно как для общества, так и для государства»²⁰.

Историческая практика убедительно свидетельствует: слабость общественных институтов приводит к тому, что в социуме выстраивается всепроникающий и всепоглощающий правовой «сверхпорядок», под оболочкой которого зачастую скрывается государственный произвол и беззаконие. Право в этих условиях перестает быть искусством добра и справедливости, а в «жерновах» такого правопорядка безжалостно перемалываются тысячи, а иногда и миллионы человеческих судеб.

В свою очередь, слабость государства, его неспособность обеспечить управляемость социальными процессами, оборачивается для общественного организма не меньшими бедами. В этом случае в социуме на месте правопорядка воцаряется хаос и произвол, природно-дикий порядок вещей, где, как писал классик, «...волки с зайцев шкуру дерут, а коршуны и совы ворон ошипывают»²¹. Но в условиях такого порядка ни «совы», ни «коршуны», ни даже «волки» не могут чувствовать себя в полной безопасности и абсолютно защищенными, ибо он нередко оборачивается состоянием «войны» всех против всех.

Strong state in modern Russia: problems and prospects

Oleg Petrovich Saulyak, dr. of law, professor, chairman, Moscow Bar "Yurprof" lawyers

In article problematic issues of formation and the prospect of development of the strong state in modern Russia are considered. Postulates of the concept of the minimum participation of the state in the social transformations which are carried out in our country are subjected to the critical analysis.

Keywords: state, law and order, civil society, justice, freedom.

УДК 342.4

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

*Иван Николаевич Куксин, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института,
e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru*

*Московский городской педагогический университет,
maps.yandex.ru*

*Елена Евгеньевна Новопавловская, канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
e-mail: novopavlovskaya@yandex.ru*

*Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И. Д. Путилина,
<https://белюи.мвд.рф>*

¹⁹ См.: Мамут Л. С. Указ. соч. С. 35.

²⁰ См.: Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. – М., 2009. С. 147.

²¹ См.: Салтыков-Щедрин М. Е. Медведь на воеводстве / Сказки. – Тула, 1977. С. 225.